

Ангел Ясной Поляны

Софье Андреевне Толстой, жене великого писателя, мы обязаны тем, что имеем сейчас Ясную Поляну — уникальный литературный музей, где все подлинно, начиная с половиц, по которым ступал Лев Толстой. В течение почти полувека она жила рядом с писателем, была не только другом, ангелом-хранителем, оберегавшим его покой, матерью тринадцати детей, хозяйкой дома, секретарем, но и хранителем сначала рукописей произведений, писем, дневников, а после смерти мужа и хранителем дома, усадьбы.

Вскоре после похорон Толстого среди членов его семьи обсуждался вопрос о продаже Ясной Поляны. Сыновья, владевшие Ясной Полянью вместе с Софьей Андреевной, испытывая денежные затруднения, начали вести переговоры о продаже американцам части яснополянской земли за полтора миллиона долларов.

Софья Андреевна не разделяла намерения своих детей. 4 января 1911 года в «Дневнике» она записала: «Я желала бы видеть Ясную Поляну в русских руках и всенародных».

Не имея средств к существованию и заботясь о сохранении дома и усадьбы, рукописей, Софья Андреевна решила обратиться непосредственно к Николаю II с предложением приобрести Ясную Поляну в государственную собственность.

Трудно ей было сделать такой шаг. Об этом говорят ее дневниковые записи. 13 мая 1911 года она пишет: «Грустно разорвать все мои гнезда,

где столько воспоминаний счастливой и полной жизни». 13 июня того же года: «Известие о приезде члена крестьянского банка по продаже Ясной Поляны. Жалко и больно».

В первом обращении к царю 10 мая 1911 года Софья Андреевна пишет: «Кончина моего мужа, графа Л. Н. Толстого, и его завещание настолько обездолили многочисленную его семью, состоящую из семи детей и двадцати пяти внуков, что некоторые из них не в состоянии не только воспитать, но и просто прокормить своих детей. С сердечной болью мы видим всю необходимость продать выделенное нам еще при жизни покойного последнее ценное имущество — имение при с. Ясной Поляне в 885 десятин: удержать его в нашем роду мы лишены всякой возможности. Между тем, распродавать землю небольшими уча-

стками было бы хотя и выгодно, но крайне для нас нежелательно, так как этим легко могло бы быть омрачено место рождения и погребения дорогого нам человека. Передать его колыбель и могилу под охрану государства составляет горячее наше желание, и это побуждение, в связи с стесненным имущественным нашим положением, дает нам смелость прибегнуть к милости Вашего Императорского Величества с просьбой разрешить приобретение Ясной Поляны в государственную собственность. Такой, дарованной Вами, Государь, милостью дана будет возможность воспитать многочисленных моих внуков, которые вырастут в сознании вечной благодарности к благодетельному Царю, великодушно протянувшему руку помощи им, их родителям и огорченной и обездоленной вдове». И далее Софья Андреевна, обеспокоенная судьбой рукописей Толстого, продолжает: «Но не одна только забота об участии внуков тяготит меня. На мне лежит долг обеспечить духовное наследство моего мужа. Я стремлюсь к тому, чтобы все им написанное и мною бережно сохраненное оставалось в России и для России, особенно рукописи блестящего периода его литературной деятельности, в которых столь ярко вылились его глубокие патриотические чувства, его любовь к Русскому царю, к народу («Военные рассказы», «Война и мир» и другие) и вообще весь исторический ход его художественного и духовного творчества. Я хочу спасти его рукописи от отсылки в Англию, куда многие

уже свезены, а также оградить от искажения и уничтожения, возможных при издании их лицом, исключительно преследующим личную свою цель выставить Толстого в одностороннем освещении, ни мало не соответствующем мировому его значению...» В заключение Софья Андреевна говорит: «Переживая тяжелую сердечную скорбь вследствие столь печально сложившихся обстоятельств, не только потеря мужа, но и того, что не смогла сказать ему даже последнего «прости», я сочла своим последним к его памяти долгом сохранить неприкосновенным в руках Русского государства его материальное и духовное наследие...»

26 мая 1911 года Совет Министров принял постановление приобрести Ясную Поляну за 500 тысяч рублей. Местным отделом дворянского банка при этом было заявлено, что реальная стоимость усадьбы составляет не свыше 200 тысяч рублей. Совет Министров, невзирая на это, все-таки постановил приобрести Ясную Поляну по заявленной наследниками цене, то есть за полмиллиона рублей. В «Известиях Толстовского музея» за 1911 год сообщается, что 14 октября вопрос о приобретении Ясной Поляны вновь рассматривался в Совете Министров. Обер-прокурор Синода В. К. Саблер и министр народного просвещения Л. А. Кассо высказались против приобретения усадьбы писателя в собственность государства, считая, что «такая покупка есть не что иное, как чествование, и при том всенародное, памяти Толстого». По их словам, «Толстой, как гениальный художник слова, действительно обогатил отечественную литературу несколькими произведениями высокой красоты, но, как богословствующий философ и мыслитель, причинил родине неисчислимо зло».

В думских кругах решили не давать дальнейшего движения правительственному проекту о покупке Ясной Поляны. Об

этом сразу узнала Софья Андреевна, и 18 ноября 1911 года она вновь пишет царю: «Еще раз беру на себя смелость писать Вам и прибегнуть к милости Вашей. До меня дошли слухи, что на Совете Министров, прежде единогласно решившего покупку Правительством «Ясной Поляны», мнения теперь разделились. Больше полугода я жила в мучительном ожидании относительно этого вопроса. Всей душой поднялась на исполнение моей всеподданнейшей просьбы Вашему Величеству. Эта надежда поддерживалась во мне чувством глубокой, сердечной благодарности к переданному мне покойным Петром Аркадьевичем Столыпиным милостивому отношению Вашего Величества к моим горестям.

Как и раньше я осмеливалась довести до сведения Вашего Императорского Величества, так и теперь должна повторить, что если русское правительство не купит «Ясной Поляны», сыновья мои, находящиеся в большой нужде, принуждены будут, хотя с глубокой сердечной болью, продавать ее участками или полностью в частное владение.

И тогда сердце русского народа и потомков Льва Толстого дрогнет и опечалится тем, что правительство не защитило колыбели и могилы человека, на весь мир прославившего русское имя и столь любимого своей родиной и народом.

Ваше Императорское Величество!

Взоры правительственных лиц обратились, как я предполагаю, только на то, что, страстно исповедуя христианство, мой муж отошел от православной церкви, не переставая горячо молиться и верить в Бога. Неужели забыто все, что сделал в своей долгой жизни Лев Толстой. С юности он уже воевал на Кавказе, где написал «Детство» и «Казак». Потом, не жалея своей дорогой, как писателя, жизни, он жертвовал ей, находясь на 4-м, самом опасном бастионе, при защите Сева-

стополя, он описал ее в «Военных рассказах».

При освобождении крестьян мой муж, назначенный правительством мировым посредником, работал в этом направлении. Наконец, поселившись в деревне, он написал «Войну и мир». Наступает 12-й год. Никто лучше, живее и сердечнее не послужил этой славной годовщине, описав ее в «Войне и мире» с чувством патриотизма и любовью к царю и русскому народу.

Умоляю Ваше Императорское Величество, не позволяйте безропотно погубить «Ясную Поляну», допустив продажу ее не русскому правительству, а частным лицам, и помогите вместе с тем семье моей, многочисленным внукам их великого деда.

Верую всем сердцем в доброту, милосердие и высшую справедливость Вашу, жду Вашего милостивого приговора. Верноподданная Вашего Императорского Величества Граф. Софья Толстая. 18 ноября 1911 г..

Обращения Софьи Андреевны к царю не возымели успеха: правительство не сочло возможным купить Ясную Поляну. Из средств государственного казначейства 15 января 1912 года вдове великого писателя была «Всемиловитвейше пожалована» пенсия в размере 10 тысяч рублей в год. Сообщение об этом появилось в «Русских ведомостях» за 18 января 1912 года. В марте 1918 года уже при советском правительстве вновь обсуждался вопрос о пенсии Софье Андреевне. 8 марта того года в «Дневнике» она записала: «Отказали мне пенсию. Обещают 300 р. вместо 800». Но затем это решение было отменено, и по постановлению Совнаркома пенсия Софье Андреевне была продолжена в размере, установленном царским правительством.

В Государственном музее Л. Н. Толстого хранится пенсионная книжка № 1001, выданная Тульской казенной палатой вдове графине Софье Андреевне Толстой на получение пенсии из Тульского

казначейства в 1918 и 1919 годах. В ней запись: «Назначено в год — 10 000 руб. Ежемесячно — 833 р. 33 коп.». 1 марта 1913 года Софья Андреевна выкупила Ясную Поляну, 200 десятин с усадьбой, у сыновей. Часть усадебно-господской земли в 1572 квадратных сажени 18 марта этого же года она подарила бывшим дворовым людям Румянцеву, Арбузовым и Елисеевой.

Часть земли, принадлежащей ей ранее, в 472 десятины 537 сажень Софья Андреевна 26 февраля 1913 года продала Александру Львовне, которая, выполняя волю Толстого, передала ее крестьянам. Крестьяне, помня доброе отношение Толстого и членов его семьи к ним, в 1917 году не дали мужикам из соседних деревень разгромить Ясную Поляну, встретив их с топорами, рогаками, вилами. «Яснополянская усадьба сохранилась — одна из немногих в округе», — замечает Александра Львовна Толстая в книге «Отец».

В 1919 году во время похорон Софьи Андреевны председатель крестьянского схода Петр Данилович Козлов обратился к священнику и детям Софьи Андреевны с просьбой отслужить от «яснополянских граждан» панихиду, «памятуя добродетели дорогой и глубокопочтимой Софьи Андреевны».

В домашнем духовном завещании, составленном 26 сентября 1918 года и засвидетельствованном князем Н. Л. Оболенским, А. М. Сухотиным и И. В. Сидорковым, Софья Андреевна пишет: «Всю принадлежащую мне землю, состоящую Тульской губернии, Крапивенского уезда, при сельце «Ясная Поляна», сколько таковой в натуре оказаться может, со всеми находящимися жилыми и нежилыми постройками, лесами, садами и всякого рода угодьями, а равно и принадлежащее мне при том же сельце «Ясная Поляна» право на одну шестую часть в участке земли мерою в одну тысячу

двести квадратных сажени, в центре которого находится могила покойного мужа моего, графа Льва Николаевича Толстого, я завещаю в полную собственность родным детям моим, сыновьям графам Сергею, Илье, Льву, Михаилу Львовичам Толстым и дочерям моим: Татьяне Львовне Сухотиной и графине Александре Львовне Толстой, в равных долях для каждого». И просит также детей своих выдать из ее «капитала... денежное вознаграждение прислуге, которая будет находиться у нее в услужении и в день ее смерти».

До последнего дня жизни, живя в своем доме, Софья Андреевна бережно хранила его, усадьбу и могилу Толстого. Уже с мая 1911 года в Ясной Поляне много посетителей. Заботясь о поддержании порядка на территории усадьбы, в июне 1913 года Софья Андреевна обращается в «Русское слово» с письмом: «Вследствие неприличного поведения публики, посещающей Ясную Поляну графа Льва Николаевича, в особенности в праздники, довожу до сведения лиц, желающих осмотреть дом и усадьбу, что доступ в оные разрешается только один раз в неделю по четвергам, от 10-ти до 12-ти часов дня, после чего доступ прекращается... 16 июня весь парк был полон до вечера публикой, в числе которой было много выпивших, и заявления об условных часах допуска в дом и усадьбу не оказывали никакого действия на посетителей и вызывали грубый протест. Прошу другие газеты перепечатать это мое заявление. Графиня София Толстая. Ясная Поляна, ст. «Засека».

Софья Андреевна сохранила неизменной обстановку в кабинете писателя и его спальне. В 1914, 1918 годах в общую тетрадь она вносила подробное описание предметов по комнатам. Эта опись сначала хранилась у старшего сына Сергея Львовича, затем была передана в отдел рукописей Государственного му-

зея Толстого в Москве. На внутренней стороне обложки черной клеенчатой тетради рукой Софьи Андреевны черными чернилами написано: «Список составлен и проверен гр. С. А. Толстой. Май 1914 года. И дальше в 1918 году пересмотрено и записано (май 1918 г. — дальнейшее. Чего не окажется, значит похищено незаметно для меня. С. Толстая. 30 май. 12 июнь)».

Перечисляя предметы, находящиеся в кабинете Толстого, Софья Андреевна дает к некоторым из них пояснения: «...Диван кожаный, на котором родился гр. Лев Николаевич, его братья, сестра и восемь человек детей (Льва Никол.) ...Круглый столик, на котором утром ставили Льву Ник. поднос с кофе и проч. Кресло в углу рогатое, на котором по утрам сидел Лев Ник. с газетой или письмами. Круглый стол у кресла, на котором Лев Ник. или делал пасьянсы, или читал газеты. Кресло у письменного стола, выигранное Львом Николаевичем в какой-то лотерее в Москве. Низкий стул дочери Тани, у письменного стола». Описывая интерьер Малой гостиной, Софья Андреевна говорит о мельчайших подробностях жизни своей семьи: «Круглый стол красного дерева из старого яснополянского дома. Диван, купленный в Петербурге моим дядей Вл. Ал. Иславиным для квартиры Льва Николаевича. Два низких стула при диване. На этих стульях я всегда кормила детей. Три кресла, купленные у моей тетки В. А. Шидловской. Кушетка, на которую Лев Николаевич с вечера выкладывал свою одежду, чтобы ее к утру вычистил слуга Илья Васильевич Сидорков. У кушетки голубой столик, подаренный мне дочерью Маршей».

Из описания предметов, хранящихся на столе в комнате Софьи Андреевны, мы узнаем, что лампа, стоящая на нем, первая в яснополянском доме, была привезена Софье Андреевне Львом Николаевичем; два хрустальных подсвечника

принадлежали матери писателя, а лодочка была сделана сыном Илей Львовичем.

В июне 1917 года Софья Андреевна вносит дополнения в каталог русских книг яснополянской библиотеки. Еще при жизни Толстого в 1905, 1908 годах она дополнила и переписала каталог библиотеки, составленный Татьяной Львовной в конце 80 — начале 90-х годов прошлого века. Д. П. Маковицкий, отмечая заслугу Софьи Андреевны в сохранении библиотеки, 27 октября 1905 года записал: «Софья Андреевна, кашляя и жалуясь на трудность для нее работы, привела в порядок журналы, записала в каталог книги, полученные в последние месяцы, и разложила их по шкафам, распорядилась о сохранении газет. Очень быстро и аккуратно работает. Это ее заслуга, что библиотека в Ясной Поляне цела. И те брошюры и книги, которые Лев Николаевич исключил, сохранила».

К отдельным предметам Софья Андреевна прикладывала записки, раскрывающие нам сейчас историю этих предметов. Фотография дома в Ивицах. На обороте надпись: «Дом в деревне «Ивицы», где я с матерью и сестрами была в гостях у деда, Ал. Мих. Ислентьева, и куда верхом из Ясной Поляны приезжал Лев Николаевич в августе 1862 года. Граф. С. Толстая». В цветной картонной коробке Софья Андреевна бережно сохранила фруктовый нож и вилку Льва Николаевича. На крышке коробки приклеена ее записка: «Ложка, подаренная женой Льва Николаевича, которой он ел во всю женатую жизнь с 1862 г. Фруктовый ножик ея же подарок позднее».

Записка Софьи Андреевны, лежащая на дне коробки с карманными часами, рассказывает нам: «Эти часы принадлежали сыну Мише, которому я их купила в Туле за 7 руб., когда он был ребенком. Миша отдал их отцу, когда подрос и когда Лев

Николаевич, опростившись, не хотел носить золотых часов. На верховой езде он потерял крышку, но часы эти носил долго. С. Толстая».

Свидетельством трогательной любви Софьи Андреевны к мужу являются метки «Л. Т.», вышитые на его белье, шапочки с запиской: «Шапочки Льва Николаевича, сшитые ему его женой». В небольшой овальной зеленой коробочке хранятся камешки-самоцветы. И мы никогда не узнали бы, откуда они, если бы не надпись Софьи Андреевны на дне этой коробочки: «Самарские камешки с нашего хутора». Это возвращает нас в семидесятые годы, когда семья Толстых жила на хуторе в Самарской губернии, Бузулукском уезде, где Лев Николаевич лечился кумысом. 28 марта 1878 года Софья Андреевна писала своей сестре Т. А. Кузминской: «Здоровье Левочки не очень дурно, но он весь очень ослабел: и желудок, и силы, и расположение духа, и простуде стал подвержен. А, главное, не может писать и работать. Это ему отравляет жизнь. Он очень желает ехать на кумыс...»

В комнате Софьи Андреевны, над кроватью, в коричневой прямоугольной рамке висит фотография, на которой Софья Андреевна изображена со своими детьми. На обороте этой фотографии она приклеила записку: «В голодающий 1892-й год. Софья Андреевна, Андрияша, Миша, Саша, Ваня — Толстые». Интересная деталь: не просто 1892 год, а голодающий. Известна общественная деятельность Толстого во время голода 1891—1892 годов, когда в Тульской и Рязанской губерниях им были открыты столовые для голодающих. Зимой 1892 года Софья Андреевна вместе со Львом Николаевичем ездила в деревню Бегиичевку Рязанской губернии; помогая мужу, составляла списки голодающих, кроила для них одежду. Еще одна фотография, изображающая Софью Андреевну среди груп-

пы детей. На обороте надпись: «Детский приют в Москве на Девичьем Поле, где я была попечительницей в 1900 и 1901 году. Гр. С. Толстая». Она заботилась о средствах для питания, образования детей этого приюта, устраивала для них концерты.

Софья Андреевна сохранила бережно собранные ею гербарии. В одном из них обращают внимание засушенные ландыши. В левом нижнем углу надпись, сделанная рукою жены писателя: «Собранные Львом Николаевичем и мной в мае 1897 г.». Известно, что весна — любимое время года Толстого. Он писал, что ему хорошо работается в конце марта — апреле. В его «Дневнике» за 3 мая 1897 года читаем: «Удивительная весна. Сейчас пришел с Козловки, принес кашки и ландыши».

Эти и другие памятки и пометки Софьи Андреевны указывают нам на мельчайшие подробности из жизни Толстого и его семьи, представляют собой своеобразную семейную летопись, позволяющую понять роль жены писателя в деле сохранения яснополянской усадьбы, дома и его обстановки.

Любовь — вот чувство, которое руководило поступками Софьи Андреевны всю ее жизнь. Любовь к Толстому, детям, внукам.

На ее письменном столе хранится записная книжка в красном шелковом переплете с вытисненными инициалами «С. Т.» на обложке. На первом листе помечено: «Гр. С. Толстая. Свои и чужие мысли. 24 ноября 1882 года». На одной из страниц рукой Софьи Андреевны записано собственное стихотворение, посвященное пятидесятилетию Льва Николаевича. В заключительных строках первый хранитель Ясной Поляны прозорливо угадывает свою судьбу:

«Нам на долю всем досталось
В лучах души его прожить,
Давайте ж, сколько жить осталось,
Тому, что он любил, служить».